

Екатерина Мордвинцева

Узник проклятого замка

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Узник проклятого замка / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 188 с.

ISBN 978-5-524-00446-8

В мрачном поместье Вальграф, запертом в вечном тумане и забытом временем, обитает граф Адриан фон Лер. Он не может покинуть свои владения, не отбрасывает тени и уже давно махнул рукой на надежду. Но когда в его жизнь врывается Элис – горничная с прагматичным умом, упрямством и рецептом булочек с корицей – вековое проклятие начинает давать трещины.

Чтобы обрести свободу, графу предстоит не только принять помощь, но и научиться снова чувствовать. Даже если это больно.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00446-8

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

Дождь начался как невинное ненастье, а к полудню превратился в личную месть стихии именно к Элис Хоторн. Он не падал – он обрушивался сплошной, хлёткой стеной, превращая лесную тропинку в бурлящий коричневый поток. Вода заливалась за воротник, ледяными струйками сползала по позвоночнику и упорно затекала в единственные хорошие башмаки, которые теперь скрипели и хлюпали с каждым шагом, словно живые, недовольные существа.

Зонт сдался первым – его спицы с трагическим хруском вернулись наизнанку где-то на середине пути, и теперь жалкий чёрный лоскут болтался на палке, напоминая побеждённого ворона. Элис швырнула его в придорожную крапиву без сожаления. Перед ней в кармане пальто лежало смятое письмо, которое сейчас было дороже любой королевской грамоты.

«Мадемуазель Хоторн, ввиду внезапной... отлучки прежнего управляющего, поместье Вальдграф испытывает острую нужду в персонале. Если вас не смущают удалённость и специфический характер работы...» Специфический характер. Фраза, от которой у отца, лежащего с воспалением лёгких, вытянулось лицо, а у матери дрогнули губы. Но за работу платили втрое больше, чем в трактире «У старого дуба». А деньги сейчас пахли не медяками, а аптечной ромашкой, дровами для печи и надеждой.

«Иди, дочка, – прошептал отец, сжимая её руку горячей ладонью. – Ты у нас крепкая. Призраков не боишься. А если хозяин окажется настоящим вурдалаком, ты ему моей клюквенной наливкой по башке». Элис тогда фыркнула, но сейчас, продравшись сквозь очередную завесу из колючего дождя, она бы не отказалась от хотя бы пузырька той наливки – чтобы согреться изнутри.

Лес сгущался, старые ели смыкали над головой мокрые лапы, почти не пропуская свет. Воздух стал пахнуть хвоей, сырой зем-

лэй и чем-то ещё – холодным, металлическим, как запах древнего камня. И вот тогда она его увидела.

Поместье Вальдграф не появлялось – оно вырастало из тумана и мрака, как кошмар, материализовавшийся по воле злой сказки. Не симметричный дворец из романов, а нагромождение башен, крыш, острых шпилей и контрфорсов, будто его строили в разные эпохи и в разных настроениях, а потом скрепили вместе чёрным отчаянием. Камень был тёмным, почти чёрным, впитавшим влагу веков. Окна – слепыми, затянутыми изнутри то ли пылью, то ли паутиной. Ни одного огонька. Ни одного намёка на жизнь. Только одинокий ворон, сидевший на верхушке ржавой решётки ворот, повернул к ней голову и каркнул – звук был на удивление глухим, словно его поглотила сама атмосфера этого места.

Ворота, к её удивлению, были не заперты. Сквозь щель между створками виднелась дорога, усыпанная не гравием, а чем-то тёмным и острым – похоже, щебнем из того же мрачного камня. Элис толкнула тяжёлую створку. Металлический скрежет заставил её вздрогнуть и пригнуться, будто она разбудила нечто спящее. Ворон, недовольно хлопнув крыльями, перелетел на ближайшую горгую, с которой с каменного лица стекала настоящая струя дождя.

Дорога к дому казалась бесконечной. Она шла, утопая в грязи почти по щиколотку, чувствуя, как холод проникает в кости. Поместье по мере приближения становилось только мрачнее. Она разглядела трещины в камнях, заросли плюща, который не украшал, а душил стены, словно зелёная, живая удавка. Наконец, крыльцо. Широкие ступени, выщербленные временем. Дверь. Не просто дверь – это был портал в иное измерение. Чёрный дуб, тяжёлый, безмолвный, с массивными железными накладками и единственным украшением – молотком в виде химеры, держащей в пасти кольцо. Колотушки не было. Лишь крошечный, потускневший серебряный звонок в форме змеи, кусающей свой хвост.

Элис задержала дыхание и нажала.

Звук, родившийся в недрах дома, был не звоном. Это был протяжный, хриплый стон, будто разбудили очень старого, очень больного зверя. Он замер в воздухе, вибрируя где-то в области солнечного сплетения, и медленно растаял.

Ничего не происходило так долго, что Элис уже подумала, не повернуть ли обратно. Мысль о тёплом камине в их крохотной гостиной была так соблазнительна... Но тут дверь бесшумно, без единого скрипа, отъехала внутрь, открыв щель ровно в ширину человека.

В щели стоял он. Если бы не слабый отсвет изнутри, падавший на его лицо, можно было бы подумать, что это просто особо густая тень, принявшая человеческую форму. Высокий, невероятно, болезненно худой, в чёрном фраке, который висел на нём, как на вешалке. Лицо – вытянутый овал цвета слоновой кости, с резкими, почти геометрическими скулами и впалыми щеками. Глаза, глубоко посаженные, смотрели на неё не сверху вниз, а будто сквозь, оценивая не как человека, а как неожиданное, досадное природное явление.

– М-мне назначено собеседование, – прохрипела Элис, голос от холода и напряжения сел. – На должность горничной. Я Элис Хоторн.

Дворецкий – а это мог быть только он – медленно, с едва уловимым усилием, как будто ржавые шестерёнки в его шее провернулись, склонил голову. Его тонкие, бледные губы сложились в выражение, которое можно было принять за вежливость, если бы не ледяная пустота в глазах.

– Ах, да. Сие долгожданное событие. – Его голос был таким же, как он сам: сухим, тихим, лишённым вибраций. Каждое слово казалось выточенным из тонкого льда. – Мастер фон Лер ждёт. Он ценит пунктуальность превыше многих... человеческих качеств. Он также питает глубокую антипатию к излишней влажности в интерьерах. Вы, судя по всему, принесли её с избытком.

Он отступил на шаг, жестом приглашая войти. Элис переступила порог, и её охватила волна тепла. Не уютного, а спёртого, тяжёлого,

как воздух в склепе. И запахи. Пыль, воск, старое дерево, затхлость и под всем этим – едва уловимая, сладковатая нотка увядших цветов и... горького миндаля.

Вестибюль был огромен. Чёрно-белый мраморный пол в шахматном порядке, высокий потолок с потемневшей от копоти лепниной. С неё прямо на пол хлынула вода, образовав мгновенно растущую лужу. Дворецкий, которого она уже мысленно окрестила Людвигом (ему так подходило это имя), взглянул на лужу, и в его глазах мелькнула тень истинного страдания, будто она осквернила алтарь.

– Прошу следовать за мной, – произнёс он, и в его голосе появилась стальная нотка. – И, по возможности... минимизировать контакт с поверхностями.

Он поплыл вперёд, не оглядываясь, и Элис потащила следом, стараясь ступать на носки, чтобы не так громко хлюпать. Поместье внутри оказалось лабиринтом. Коридоры бесконечно ветвились, уводя в непроглядную тьму. Они проходили мимо залов с накрытой паутиной мебелью, мимо витрин с коллекцией потускневшего серебра, мимо бесчисленных портретов. Предки фон Леров смотрели со стен одинаково надменными, холодными взглядами, но на некоторых лицах Элис уловила нечто большее – нездоровый блеск глаз, слишком красные губы, неестественную бледность. Один, с остроконечной бородкой и безумным прищуром, казалось, следил за ней, поворачивая голову. Она резко обернулась – портрет был неподвижен.

«Воображение, – сказала себе Элис. – Только воображение. И эта чёртова усталость».

Людвиг, не оборачиваясь, вёл экскурсию монотонным шёпотом, будто боялся разбудить стены:

– Восточное крыло... не посещать после заката. Западное крыло... закрыто. Библиотека на третьем этаже... требует особого разрешения. Ваши обязанности будут заключаться в поддержании чистоты в южном крыле, где расположены кухня, ваша комната и несколь-

ко... редко используемых залов. Обед в полдень, ужин в семь. Еду вам будет приносить... я. Выходить на территорию поместья после сумерек... не рекомендуется.

– А что насчёт... хозяина? – осторожно спросила Элис, поравнявшись с ним на лестнице, ступени которой скрипели под ногами с таким надрывом, будто стонали от боли.

Людвиг остановился и медленно повернул к ней голову. В свете коптящей масляной лампы, которую он нёс, его лицо казалось вырезанным из старого пергамента.

– Мастер фон Лер, – произнёс он с придыханием, – является душой этого места. Он редко показывается. Он ценит тишину, порядок и... отсутствие праздного любопытства. Управляющий, мистер Грим, который нанял вас, к сожалению, три недели назад... решил резко сменить род деятельности и покинул поместье. В час ночи. Через окно второго этажа. Не попрощавшись. Вы... будете четвёртой кандидаткой за этот месяц.

– А что случилось с предыдущими... кандидатками? – Элис почувствовала, как у неё похолодели не только ноги.

– Они не выдержали испытательного срока, – бесстрастно ответил Людвиг. – Он составляет, как правило, один день. Сегодня, – он сделал паузу, и в его голосе прокралась едва уловимая, зловещая заминка, – у мастера... настроение. Почти человеческое. Почти.

Он остановился перед очередной дверью, на сей раз из тёмного, почти чёрного дерева, с инкрустацией в виде переплетённых ветвей без листьев.

– Библиотека, – произнёс он, и его пальцы, длинные и костлявые, легли на ручку. – Мастер ждёт вас внутри. Я советую вам... быть сдержанной в выражениях. И в жестах. Мастер не терпит суеты.

И, отворив дверь, он растворился в полумраке коридора, оставив её одну на пороге.

Тишина, хлынувшая из открывшейся двери, была не просто отсутствием звука. Она была плотной, осязаемой, как бархатная портьера. Элис осторожно шагнула внутрь.

Библиотека была городом, вымершим городом книг. Бесконечные стеллажи уходили ввысь, в потолок, терявшийся в сумраке. На них ровными рядами стояли тысячи томов в переплётках из потемневшей кожи, замши, парчи.

Воздух здесь пах иначе: не затхлостью, а благородной пылью веков, сухим пергаментом, древесным клеем и той же, но ещё более явной, горьковатой нотой миндаля. Свет был только от камина – огромного, такого, в котором можно было бы зажарить целого быка. В нём тлели угли, отбрасывая на стены и потолок причудливый, беспокойный танец красно-оранжевых теней.

Комната казалась пустой. Элис сделала ещё несколько шагов, её мокрые башмаки оставляли на паркете тёмные отпечатки.

– Здравствуйте? – её голос утонул в тишине, не вызвав даже эха. – Меня зовут Элис Хоторн. Я по поводу...

Она обернулась и замерла. В огромном, высоком кресле у камина, спиной к ней, сидел кто-то. Она не заметила его сразу – он сливался с тёмной кожей кресла и окружающим мраком. На него указывала только одна деталь: на изогнутой деревянной ручке кресла лежала рука. Кисть была неестественно бледной, почти фарфоровой, с длинными, тонкими пальцами. Она лежала совершенно неподвижно, неживая.

Сердце Элис заколотилось где-то в горле, затмив собой все другие звуки.

Это была ловушка? Шутка? Она вспомнила рассказы о вампирах, о живых мертвецах, которые столетиями сидят в своих замках... Но нет, это глупости. Это просто эксцентричный аристократ с плохими манерами.

Должен же он быть.

– Мистер... Граф фон Лер? – её голос дрогнул, и она прокляла себя за эту слабость.

Кресло начало поворачиваться. Медленно, с тихим, скрипучим звуком старого дерева. Оно совершило полный оборот и остановилось.

Он не был старым. В этом был первый шок. Он выглядел на годы её старшего брата, лет двадцать восемь, не больше. Но какими были эти двадцать восемь... Его черты были слишком утончёнными, слишком резкими, словно высеченными из мрамора уставшим, но гениальным скульптором. Чёрные волосы, отливавшие в огне синевой, падали на высокий лоб. Брови – тонкие, тёмные дуги. Глаза... Глаза были цвета старого виски, тёмно-янтарные, и в них не было ничего человеческого. Только холодное, бездонное любопытство и усталость, которой, казалось, тысяча лет. Он был одет во всё чёрное – рубашка, жилет, сюртук – и сидел в кресле с такой абсолютной, королевской неподвижностью, что Элис на мгновение показалось, что перед ней очередной портрет, оживший по чьей-то злой шутке.

– Вы, – произнёс он. Его голос был неожиданно низким, бархатным, и в нём не было ни капли тепла. Он звучал так, будто родился не в лёгких, а в самой глубине этого тёмного зала. – Вы принесли в мой дом запах мокрой шерсти, дешёвого мыла и... отчаянной решимости. Очень пахнущее сочетание.

Элис открыла рот, чтобы что-то парировать, защититься, но в этот момент нос, всё это время раздражённый сыростью, а теперь атакованный облаком вековой библиотечной пыли, поднявшимся от её шагов, предательски защекотал. Она попыталась сдержать чих, зажав нос пальцами, глаза её наполнились слезами от усилия, но это было бесполезно.

– Апчхи!

Звук разорвал могильную тишину, как выстрел. Он отдался эхом в высоком потолке. Мельчайшие пылинки, подсвеченные огнём камина, взметнулись в воздухе золотым облачком, кружась в безумном танце.

Наступила тишина, ещё более гнетущая, чем прежде. Граф не моргнул. Он просто смотрел на неё своими янтарными глазами, и в них не было ни гнева, ни раздражения – лишь холодное, безмолвное

изумление, будто он наблюдал за редким, абсурдным насекомым, совершающим необъяснимый ритуал.

Жаркая волна стыда и унижения захлестнула Элис с головой. Она провалила собеседование. Она провалила его в тот же миг, как вошла. Теперь она вернётся домой ни с чем, к больному отцу, к долгам, к безнадёжности.

И тогда, движимая чисто автоматическим, вбитым матерью с детства рефлексом вежливости – «чихнул, предложи платок» – её рука полезла в карман мокрого пальто. Она нащупала там не совсем сухой, но чистый льняной платок с крошечной, аккуратно вышитой по краю голубой каёмочкой. Не думая, почти в отчаянии, она вытянула руку через разделявшее их пространство, заляпанное её мокрыми следами, и произнесла хрипло:

– Вам... не нужно? Вы тоже... в пыли сидите.

Мгновение, последовавшее за этими словами, показалось ей вечностью. Граф фон Лер медленно перевёл взгляд с её покрасневшего, растерянного лица на протянутый, слегка помятый платок. Он смотрел на него так, будто никогда прежде не видел подобного предмета. Затем его взгляд вернулся к её лицу, и в глубине этих янтарных бездн что-то дрогнуло. Нечто неуловимое, почти микроскопическая трещина в ледяной маске.

Он медленно поднял свою бледную, прекрасную руку, но не для того, чтобы взять платок. Он просто дотронулся кончиками пальцев до воздуха в нескольких сантиметрах от него, как будто проверяя, реален ли он. Или как будто прикасаясь к чему-то хрупкому и потенциально опасному.

– Людвиг, – наконец произнёс граф. Его бархатный голос приобрёл первую, едва уловимую вибрацию – лёгкое, ошеломлённое раздражение, смешанное с чем-то ещё, что Элис не смогла распознать. – Похоже, вы привели в дом не просто горничную. Вы привели... персонифицированную метель с неожиданными гуманитарными порывами. Она предлагает мне платок. За мои... триста лет в этой пыли, это первый случай.